

НАТО – основа проамериканской военно-политической коалиции Запада

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Современное силовое противоборство государств в мире стремительно приобретает черты не только вооружённой борьбы, но и цивилизационной войны, за фасадом которой создаются военно-политические коалиции самой разной конфигурации. Они нередко прямо соотносятся с формирующимися новыми центрами силы – не только коллективным Западом во главе с США, но и Китаем, Индией, Россией, исламским миром.

События на Украине с этой точки зрения надо рассматривать не просто как военный конфликт с нацистским режимом, но и как военно-силовую борьбу России с коллективным Западом за сохранение национальной идентичности и суверенитета.

Очевидно, что адекватная оценка обстановки и её прогноз лежат в основе эффективной стратегии противодействия. Так, ещё в 2013 г. мною был сделан прогноз развития эскалации сценария военно-политической обстановки (ВПО) в мире, в частности, перехода силового варианта в военно-силовой на Украине, который полностью подтвердился [1].

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezkin@gmail.com

Ключевые слова: спецоперация на Украине, коллективный Запад, Россия, США, цивилизационная борьба.

¹ Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сб. материалов круглого стола «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». М.: ВАГШ ВС РФ, 2022.

Старые структуры безопасности, в частности НАТО, играют важную, но уже второстепенную роль: силовое противоборство приобретает все черты цивилизационного военно-силового противоборства, когда в него втягиваются самые разные государства, в том числе нейтральные (Финляндия, Швеция, Швейцария, Австрия) и неприсоединившиеся, находящиеся далеко за пределами зоны ответственности альянса, например, в южной части Тихого океана.

Специальная операция России на Украине может быть понята только в контексте более широкого исторического и цивилизационного противоборства России с открытой агрессией западной коалиции, которая охватила практически все области – от финансовой, экономической и военно-технической сфер до культуры и спорта.

Россия и коллективный Запад: новое мироустройство и новый миропорядок

Современное мироустройство стремительно меняется. Причём, как правило, непредсказуемо, а нередко и хаотично, когда определяющей тенденцией формирования становится *хаотизация*. В этих условиях формирование национальных стратегий и целеполагание исключительно затруднено. Так же, впрочем, как и точное распределение национальных ресурсов. Между тем этот процесс не просто обязателен и неизбежен, но и от него прямо зависит эффективность развития государств.

Сказанное имеет прямое отношение к формированию национальной стратегии России в 2020-е годы, которое происходит под влиянием усиливающегося внешнего военно-силового давления. События на Украине и отношения России с Западом в период 2021–2022 гг. – самый яркий пример этого. Характер такого внешнего давления и перспективы его эволюции непосредственно влияют на развитие и стратегию России, что, в принципе, стало отчётливо пони-

маться в правящей элите страны и нашло своё прямое отражение в документах стратегического планирования и решениях российской правящей элиты 2021–2022 гг.

Так, признание ЛНР и ДНР в феврале 2022 г. и обязательства по их защите фактически оформили разрыв неравноправных отношений с Западом, которые существовали с конца 80-х годов прошлого века. Этот шаг стал во многом и прямой констатацией отличия национально-цивилизационных интересов и ценностей России от универсалистских ценностей Запада, которая требовалась в предыдущие десятилетия в качестве основы для формирования эффективной национальной стратегии страны.

Миропорядок оказывает как прямое, непосредственное, так и косвенное влияние на формирование национальных стратегий в нескольких важнейших областях, прежде всего в целеполагании, системах национальных ценностей, распределении ресурсов и субъективных представлениях правящих элит и общества.

При всей фундаментальности и инерционности современное мироустройство*, включая существующий миропорядок** (как состояние глобальной международной (МО) и военно-политической обстановки и отношения их отдельных компонентов в военно-политической, финансово-экономической и информационно-когнитивной областях), ко второму десятилетию XXI в. уже радикально отличается по целому ряду принципиальных особенностей от мироустройства второй половины XX в. Настолько сильно, что, когда сегодня некоторые стараются апеллировать к прошлым реалиям, например «признанным нормам международного права», то они не вполне отдают себе отчёт в принципиальной разнице того, что это понятие означало и практически было в прошлом, и чем оно стало в мире в новом веке.

Лучше всего это иллюстрируют такие фундаментальные понятия, как: «общепризнанные нормы»***, «демократия», «права человека», «свобода совести», «равенство», кото-

рые во второй половине XX в. лежали в основе политики ведущих государств [2, 3].

Стремительные изменения в современном мироустройстве требуют не менее динамичных изменений в существующем миропорядке, которые большинством стран воспринимаются по-разному, в том числе и с разными национальными и коалиционными стратегиями. Решение президента России В. В. Путина признать независимость Донецкой и Луганской народных республик полностью меняет мировой порядок. Об этом заявил, например, и президент Сербии А. Вучич в эфире телеканала *RTV Pink*: «Это [решение] разрушает всю мировую архитектуру безопасности, [как] и политическую архитектуру безопасности. ...Эта ситуация, вероятно, самая сложная для нас и самая тяжёлая в предстоящие 10–20 лет. ...Меняется мировой порядок» [4].

Развитие конфликта на Украине подтвердило известный вывод о том, что в последние годы мы наблюдаем, как военно-политический союз

² Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель–Observer. 2021. № 7.

³ Боброва О., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель–Observer. 2021. № 8.

⁴ Вучич заявил, что решение Путина по Донбассу полностью меняет мировой порядок // ТАСС, 21 февраля 2022 г. // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13793075?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

* Мирозстройство – современная научная картина мира (НКМ). В философском смысле – существующий порядок, взаимосвязь всех объектов мира, космоса. В политическом смысле – система экономических, военных и политических взаимоотношений между всеми государствами и другими акторами в мире, часть международной обстановки, которая включает все другие её важнейшие элементы (отношения акторов, тенденции и пр.).

** Миропорядок – международно-правовая система отношений между субъектами международных и военно-политических отношений (МО и ВПО), являющаяся частью мироустройства.

*** «Общепризнанные нормы», продвигаемые США и их союзниками, – альтернатива международным норм права (Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times, 29 January 2021).

НАТО трансформируется из регионального блока в глобальную военно-политическую коалицию, откровенно направленную не только против России, Китая, Ирана и КНДР, но и остальных стран, пытающихся сохранить свой суверенитет и национальную идентичность*.

Кроме того, конфликт на Украине в начале 2022 г. поставил на повестку дня вопрос о необходимости нового понимания роли коллективного Запада и его Североатлантического блока в мире, его политики силового давления и эффективного противодействия такой политике. Поэтому традиционное отношение к НАТО, сформированное в советский период, а тем более попытка его переосмысления в рамках либерально-демократической традиции, предпринятая в 90-е годы, уже не объясняет многих особенностей в развитии альянса. Тем более когда такие особенности, вроде «политизации НАТО», создаются искусственно.

По сути дела, развитие отношений западных государств в XXI в. превратилось под настойчивым влиянием США в формирование широкой западной военно-политической коалиции, в которой страны – члены НАТО составляют своего рода костяк. Другие развитые страны, прежде всего Япония, Австралия и Южная Корея, формируют «восточный фланг», а целый ряд союзников США дополняют коалицию на двусторонней основе, в том числе и государства, которые нередко относят к категории нейтральных или неприсоединившихся стран. Численность

участников этой коалиции вдвое превосходит численность стран – членов НАТО.

Поэтому голосование в ООН демонстрирует в определённой степени существующую расстановку сил в рамках западной коалиции и тех стран, которые сохраняют свой суверенитет.

Так, голосование в ООН по антироссийской резолюции (при жёстком давлении и даже открытом подкупе и угрозах со стороны США) показывает, что глобальная антироссийская коалиция в ООН, создаваемая США, столкнулась с серьёзными проблемами. Такое мнение в статье для издания *The National Interest* высказал эксперт по международной проблематике Т. Карпентер. За резолюцию проголосовала 141 страна, против – пять. Однако Т. Карпентер обращает внимание на большое количество воздержавшихся. «Поскольку США придают такое большое значение созданию подавляющей коалиции против Москвы, другим странам требуется определённое мужество, чтобы отказаться присоединиться к ней. И всё же 35 стран отказались “умаслить” Соединённые Штаты и предпочли вместо этого воздержаться», – пишет аналитик. Для официального Вашингтона особенно тревожным знаком стал тот факт, что за резолюцию отказались голосовать ключевые страны Южной и Восточной Азии, прежде всего Индия и Китай.

Существующая глобальная западная коалиция вышла далеко за рамки региональной организации,

* О трансформации альянса говорилось уже на рубеже веков в известных монографиях: Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции. М.: Научная книга, 2002; Он же. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. М.: Научная книга, 2003.

призванной обеспечивать безопасность в Евро-Атлантическом регионе, превратившись в инструмент мировой политики Вашингтона. Агрессии США в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии и целом ряде других регионов были использованы в том числе и для отработки эффективности механизмов управления этой коалицией со стороны США. Яркий пример применения правящими кругами США военно-политической политики – это стратегия силового принуждения по отношению к России в последние десятилетия, в реализации которой в той или иной степени принимают участие порядка 60 государств.

Таким образом, к началу нового века США целенаправленно и на-

стойчиво сформировали *на американских условиях* широкий проамериканский фронт государств, который обеспечил им достаточно широкую поддержку не только в отношениях с другими государствами, но и поддержку претензий на мировую гегемонию.

Военно-политический конфликт на Украине в силу этих обстоятельств уже превратился в глобальный цивилизационный конфликт между Россией и прозападной коалицией, когда наша страна не просто «вышла из орбиты» Запада, но и продемонстрировала решимость и способность эффективного сопротивления. Именно масштаб и системность этого события требуют своего осмысления.

Новые формы войны

Важная особенность стратегии западной военно-политической коалиции по отношению ко всем мировым субъектам и акторам ВПО, прежде всего России и КНР, заключается в интеграции двух методов: **широкого использования спектра силовых мер и средств** (не только военных, но также экономических, финансовых и информационных) для внутрисполитической дестабилизации, смены политических режимов и даже изменения социально-экономических систем в странах-оппонентах, *с одной стороны*, и одновременной **эскалации мер политико-дипломатического силового давления всей коалиции** на эти режимы с тем, чтобы нейтрализовать их возможное противодействие – *с другой*.

Синхронное воздействие на оппонента со стороны всей западной во-

енно-политической коалиции означает синтезированную стратегию силового принуждения. По отношению к России эта стратегия приобрела откровенно русофобский характер, который проявляется практически во всех областях взаимоотношений – от спорта и культуры до дипломатии. Причём эта русофобия отчётливо носит коалиционно-принудительный характер, когда даже относительно нейтральные члены западной коалиции не только подчиняются диктату Вашингтона, но и сами инициируют антироссийские акции.

В идеале, по мнению США, такое сочетание двух силовых методов должно привести к созданию в странах – оппонентах Запада такого режима и такой политической элиты, которые были бы готовы отказаться от своего суверенитета и в

конечном счёте от своих систем ценностей и идентичности в пользу неких «международных норм и правил» [5], а в действительности – норм и правил США. В итоге это означало бы, что даже изменение общего соотношения сил в мире было бы не в состоянии изменить существующий миропорядок, созданный в интересах США и их союзников в предыдущие десятилетия [6]. Именно это силовое принуждение в последние десятилетия наблюдается в политике США и коллективного Запада в отношении Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и целого ряда других государств, где демонстративно и насильственно не просто меняется правящая элита, но и уничтожаются её лидеры.

Если посмотреть на политические процессы последних лет во всех странах, включая союзников США и Великобритании, то там с разной степенью интенсивности реализуется именно эта универсальная стратегия силового принуждения.

Как отметили российские политологи в отношении реализации этой стратегии, например в Грузии, «там удалось совершить переворот фактически в одну фазу: нарастить давление организованных групп, а политико-дипломатический пресинг (Запада) блокировал возможность властей по силовому решению проблемы» [7]. Это же проявлялось и проявляется и в отношении руководителей и лидеров государств – от

С. Милошевича, М. Кадаффи и С. Хусейна до В. В. Путина.

Такая стратегия стала возможной только в результате резко изменившейся в мире военно-стратегической обстановки в пользу западной военно-политической коалиции в 80-е годы прошлого века, когда вместо Организации Варшавского договора (ОВД) и СССР осталась ослабленная Россия, практически без союзников, вынужденная восстанавливать после 90-х годов свой суверенитет и параллельно обеспечивать безопасность в крайне неблагоприятных внешних условиях после демонстративно нанесённых Западом военных поражений Югославии, Ираку, Афганистану, Ливии и Сирии в 1999–2022 гг.

Это развитие нового проамериканского миропорядка создало условия для формирования уникального временного промежутка трансформации однополярного мира в мир, контролируемый США именно с помощью созданной ими широкой военно-политической коалиции. Этот «переходный период» рассматривается как период глобального применения стратегии силового принуждения, в том числе (и прежде всего) в отношении государств, способных оказать эффективное силовое противодействие, – Китая, России, Ирана.

Естественно, что военные и иные возможности Китая, России, Ирана и ряда других стран (с высокой сте-

⁵ Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8.

⁶ Боброва О., Подберёзкин А. Политико-правовые вопросы противодействия проявлениям, направленным на подрыв основ государственности Российской Федерации // Сайт ЦВПИ «Евразийская оборона», 30 августа 2021 г. // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/politikopravovye-voprosy>

⁷ Манойло А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия – Телеком, 2020. С. 107.

пенью вероятности Индии, Пакистана, Бразилии, Индонезии) превращают такую стратегию западной коалиции в крайне рискованную, которая балансирует на грани войны и применения вооружённых силовых средств, чего по мере возможностей коллективный Запад будет стремиться до поры до времени избегать: созданная им широкая военно-политическая коалиция резко увеличивает силовые невоенные возможности, например, внешнеполитической изоляции, финансового шантажа, использования торгово-экономических санкций и других инструментов силового (невоенного)

принуждения, которые могут помочь избежать неконтролируемой военной эскалации.

Именно это наблюдалось в отношении России в период 2008–2022 гг., когда на страну обрушился «санкционный ливень». Важно отметить, что при этом параллельно шёл и военно-технический процесс наращивания как собственных вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) США, так и их союзников, превращения Украины в «бешеную собаку, способную пустить кровь медведю». Этим объясняется особая роль военной силы коллективного Запада.

Новая роль военной силы в политике Запада

Использование военной силы в прямом военном конфликте в представлении правящих кругов Запада неизбежно, но при условии минимизации рисков, т. е. сохранения за Западом способности контролировать военную эскалацию. Это означает, что на каждом из её этапов Запад должен быть сильнее своих противников – как на самых начальных стадиях, так и на уровне глобальных конфликтов.

В контроле за военной эскалацией Западу может оказать реальное содействие то обстоятельство, что отличие «переходного периода» от других периодов развития военно-политической обстановки в мире (накануне Первой мировой и Второй мировой войн, в годы холодной

войны и однополярного мира) заключается в том, что это своего рода «точка бифуркации»*, когда происходит чрезвычайно быстрая и **качественная смена политических, военных и моральных представлений о возможностях применения военной силы** и смена поколений ВВСТ и, как следствие, способов их использования.

Такой «технический» результат вновь поставил не новый классический вопрос [8] о соотношении основных понятий «война» и «политика», который, как казалось многим ещё в 80-е годы прошлого века, был решён достаточно определённо в пользу «бессмысленности применения военной силы». Модная в те годы мысль о том, что «военная сила потеряла своё

⁸ Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2015.

* Бифуркация – разделение на две (би – два) ветки чего-либо, что обозначает два качественных отличных варианта развития предстоящих событий. Применяется для определения происходящих изменений, перестроек, метаморфоз.

значение», повторялась многократно и на всякие лады самыми разными политологами, которые забывали, что она была справедлива при определённых условиях, которые, как говорил Бэзил Лиддл Гарт, «непрерывно меняются». Сменились в очередной раз такие условия и в новом веке, когда появились высокоточное оружие (ВТО) и другие неядерные стратегические средства поражения как результат военно-технологической революции.

Приобретение военно-технологического превосходства США в такой стратегии рассматривается в качестве обязательного условия её эффективности. Неслучайно во всех официальных документах именно эти два принципа – военно-технологическое превосходство и сохранение «широкого союза» – считаются основами американской внешней политики в мире.

Эти изменения создают иллюзию (а может быть, отчасти даже и реальность) того, что с помощью прямого (физического) применения военной силы можно решить накопившиеся международные проблемы – быстро и радикально, но главное – относительно безопасно для нападающей стороны.

Например, в отдельном регионе – Ближнем и Среднем Востоке и даже Европе.

Это было в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, когда собственно физические и материальные потери США и их сателлитов были сведены к минимуму за счёт использования подавляющего превосходства в воздушно-космических силах и применении ВТО.

Военная политика США в новом столетии именно вследствие такого перехода стала ясно ориентироваться на возможность глобального и прямого использования военной силы против самого широкого круга государств, включая «технологически развитых и обладающих военной мощью» [9].

Старт ускоренному развитию нового военно-технологического потенциала западных стран был положен после исчезновения ОВД и СССР в начале 90-х годов, что означало радикальное изменение в соотношении военных сил. Так, появление и быстрое развитие качественно нового состояния военно-политической обстановки привело к первой послевоенной бомбардировке европейского государства – Югославии, обеспечило победу США в Афганистане за два месяца, а в Ираке и Ливии – за месяц.

С точки зрения развития стратегической обстановки (СО) в мире у США не осталось даже потенциальных противников: Китай сможет стать таковым только через 10–15 лет, да и только на удалённом от США ТВД, где и ему можно будет противопоставить Японию, Республику Корею и другие страны (и своего рода коалицию мини-НАТО). **Исключение составляет Россия**, которая способна оказать сопротивление не только на самых «высоких уровнях эскалации». Об этом свидетельствуют события не только в Осетии и Сирии как пример её эффективной способности противоборства в локальных конфликтах [10], но и полномасштабные спецоперации весной 2022 г. на Украине.

⁹ Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель–Observer. 2018. № 11. С. 7–8.

¹⁰ Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021.

Эффективное использование ВКС и ВС в целом России в Сирии и на Украине фактически подтвердило эту закономерность как достаточно универсальное явление. Передислокация сил США и НАТО в Европе подтверждает этот факт. Там уже не гарантируют скорую победу на начальных этапах возможного военного конфликта, который планировали развязать на Украине под самыми разными предложениями, прежде всего за счёт украинского народа, ЧВК и разного рода «облачных противников», собранных по всему миру.

Бурное развитие технологий, в том числе информационных, создало на Западе иллюзию «технологического превосходства», плодами которого

стали пользоваться прежде всего в США. Приход к власти Д. Трампа намертво закрепил эту тенденцию, и до этого существовавшую десятилетия, сделав её безальтернативной: технологическое лидерство в военной области, всегда бывшее приоритетом в политике США (даже при старой политике сохранения стратегического сдерживания), стало формально закреплённой целью внешней и военной политики [11, с. 142–143]. Так, в концепции развития ПРО (декабрь 2018 г.) стратегическое сдерживание в его классическом толковании не упоминается вообще ни разу, а ядерные силы достаточно откровенно ориентируются на нанесение первого «разрушающего» удара.

Военный конфликт на Украине – иллюстрация новой стратегии Запада

Спецоперация России против нацистского режима на Украине не вполне точное определение происходящих изменений в международной и военно-политической обстановке, имеющих глобальный характер. По сути дела, Россия «вышла из орбиты Запада», куда её насильно закинули либералы на рубеже 90-х годов, лишив перспектив развития и сохранения суверенитета.

Можно отметить следующие особенности в стратегии США и Запада в целом в отношении России.

1. Откровенную и циничную русофобию, граничащую с нацизмом по отношению к российскому этносу и русской культуре вообще, охва-

тившую практически весь западный мир.

Дж. Байден и его союзники по НАТО добавили к этой военно-силовой концепции свои информационно-когнитивные и социально-культурные концепции, закрепляющие (как им кажется) **«цивилизационное лидерство Запада»**. На деле эти концепции уже превратились в откровенную русофобскую политику, не скрывающую ненависти к народам России. Это же стало ментальным и когнитивным «обоснованием» допустимости силовой политики в отношении России и использования против неё в будущем любых средств вооружённого насилия.

¹¹ Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университет. 2018. № 6.

Превращение Украины во враждебное России государство целенаправленно шло последние 30 лет, но стало стремительно усиливаться после переворота в Киеве 2014 г.

За эти восемь лет продолжалась агрессия против народных республик и фактически игнорировались Минские переговоры. На территории Украины была создана военная инфраструктура (базы, пункты переподготовки, склады ВВСТ) НАТО и проведена подготовка к военной операции против России. Цель – использование ресурсов страны против суверенитета России и её развала, даже ценой существования Украинского государства.

2. Предложения России, сделанные в декабре 2021 г., по укреплению европейской безопасности и созданию гарантий были просто-напросто проигнорированы Западом.

Таким образом, Россия встала перед планируемым военным нападением, которым могла угрожать НАТО для усиления шантажа и силового давления. Военная операция Украины против республик ДНР и ЛНР должна была начаться в конце февраля 2022 г. и должна была стать первым этапом натовского нападения. Следующими целями неизбежно стал бы Крым, Ростовская область, Краснодарский край.

3. На территории Украины планировалось уже в ближайшем будущем разместить ударные наступательные вооружения с использованием созданной инфраструктуры страны, в том числе оперативно-тактические ракеты и фронтовая авиация, а также ракетные системы залпового огня (РСЗО) большой дальности. Даже уже развёрнутые вооружения украинских ВС были способны обеспечить нападение на

тактическую глубину более 100 км на всём протяжении трёхтысячекилометровой границы с Россией. Если бы они были усилены новыми поколения РСЗО повышенной дальности, КР и аэробаллистическими ракетами, то территория России «простреливалась» бы со стороны Украины вплоть до Урала.

4. С точки зрения военной безопасности военная угроза для России стремительно нарастала, более того, становилась **неотвратимой**. Руководство страны оказалось в ситуации, когда оно было вынуждено принимать военные меры для ликвидации этой угрозы. Поэтому главная цель специальной операции – полная ликвидация военной инфраструктуры Украины, которая в настоящее время систематически уничтожается силами ВКС России.

5. Политика санкций Запада отнюдь не была инициирована в феврале-марте 2022 г., более того, она не была начата даже в 2014 г., она фактически никогда не заканчивалась с советских времён – ограничения на сотрудничество и поставки технологий продолжали сохраняться все эти годы, а после конфликта на Кавказе произошёл их активизация.

Необходимо отметить, что при любом развитии отношений России с Западом политика санкций продолжала бы усиливаться. Её цель – ослабление конкурента и подчинение России. При этом политика носит очевидно общий (двухпартийный для США) и коалиционный (для всех проамериканских стран) характер во всех областях – от культуры и спорта до военно-технического сотрудничества. Независимо от развития событий на Украине политика санкций в отношении России только усиливалась бы.

6. Надо признать, что за независимость и безопасность придётся заплатить определённую цену, в том числе и в социально-экономической области, но правительство сделает максимум для того, чтобы эта цена была как можно меньше. Уже сегодня принимаются срочные меры, чтобы минимизировать последствия таких санкций.

Таким образом, очередное изменение внешних условий для России произошло в XXI в., когда ВПО стала формироваться во многом под влиянием одного из государств-лидеров, ставшего в новом столетии безусловным военно-технологическим лидером – США. Угроза независимости России перестала быть гипотетической, превратившись в реальную угрозу потери суверенитета и идентичности при откровенной русофобской политике со стороны коллективного Запада.

При этом общее правило военной науки, когда средства и способы военных действий зависят от уровня развития экономики (и технологий) и общества, в полной мере проявляются в настоящее время: мы ежедневно становимся свидетелями бурных достижений военно-технической рево-

люции, которые качественно меняют наши представления о средствах и способах ведения войн и конфликтов (только за последнее десятилетие появились КР большой дальности и точности, гиперзвуковые ЛА, ударные беспилотники, роботизированная бронетехника и т. д.)^{*}. Конфликт на Украине продемонстрировал, что перевооружение ВС России в последнее десятилетие обеспечило её армии явные преимущества в военном конфликте, а модернизированный ОПК – гарантию военно-технологической независимости.

Но это общее правило во многом реализуется именно под влиянием США и их союзников, которые заняли лидирующие позиции в наращивании военных потенциалов в новом столетии, задавая темп производству и торговле ВВСТ (более 75% мирового производства и торговли). России в условиях санкций и многих искусственных ограничений предстоит модернизировать не только ОПК, но и всю промышленность, опираясь в основном на национальные ресурсы и возможности, прежде всего человеческий капитал.

Информационно-технологические средства силовой политики Запада

Известно, что при самом лучшем стратегическом планировании (и конфликт на Украине это подтвердил в очередной раз) остаётся до конца недооценённое влияние двух важнейших групп факторов:

– во-первых, развития объективных факторов и тенденций, к которым относятся прежде всего закономерности экономического, социального и технологического развития;

^{*} Естественно, что США беспокоит возможность использования этих новейших систем третьими странами, что иногда формально приводит к поддержке инициатив, например, об ограничении некоторых систем и видов ВВСТ, которые невыгодны США (Strategic Consequences of Hypersonic Missile Proliferation. Report NSRD RAND. Wash. 2019).

– во-вторых, субъективных, личностных факторов. Так, если среди объективных факторов наиболее влиятельным является технологический фактор, то среди субъективных – качество политической элиты и её руководства, а именно воля и стратегия [12].

Например, как считает авторитетная экспертная компания *PricewaterhouseCoopers (PwC)**, среди объективных факторов могут быть следующие пять ведущих, ко-

торые окажут неизбежное влияние на развитие политики отдельных локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), центров силы, их коалиций и отдельных государств:

- развитие технологий;
- демографические изменения;
- сдвиги в расстановке экономических сил;
- изменения в области климата и ресурсов;
- процессы урбанизации (рис. 1).

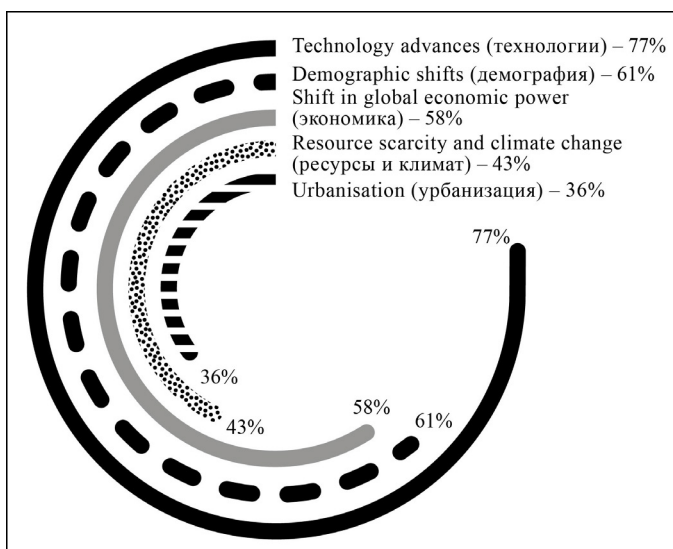

Рис. 1. Пять наиболее важных трендов, которые будут влиять в мире [13]

Не ясно влияние, например, очень влиятельного сегодня экологического фактора на развитие ВПО, хотя предположений, в том числе футуристических, множество. Очевидно также, что

появление технологий гиперзвука и беспилотных летательных аппаратов (БЛА) откровенно провоцирует государства на ведение военных действий. Не менее провокационны и изменения

¹² Подберёжкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018. С. 461–562.

¹³ PwC, 19th Annual Global CEO Survey, January 2016 // URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/technology/tech-breakthroughs-megatrend.pdf>

* PricewaterhouseCoopers – многонациональная сеть профессиональных фирм, работающих в партнёрстве под брендом PwC, которая занимает второе место в мире по величине сети профессиональных услуг с ежегодным оборотом, превышающем 40 млрд долл.

в соотношении экономической мощи, которые ведут к радикализации не только экономических, но и торговых и политических отношений: «торговые войны» Д. Трампа в 2018 г. с КНР и другими странами прямо провоцируют обострение политических отношений в мире.

Как показал военный конфликт на Украине 2022 г., важны также и субъективные, в особенности информационные и когнитивные особенности подготовки и принятия политических решений.

Так, если речь идёт об информационных технологиях и социальных сетях, то такие яркие примеры, как попытки обвинить Россию во влиянии на выборы в США и Германии, в поддержке радикальных групп и т. п. действия в киберпространстве, стали фоном всей внешней политики США и Запада в 2016–2018 гг. Но особенно ярко роль Интернета и социальных сетей в военно-силовом конфликте проявилась во время боевых действий на Украине и вокруг неё.

Следует особо отметить, что во всех возможных вариантах предложенного сценария отношений западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ усиливается силовой (в особенности информационный и кибернетический) и военно-прикладной компонент, доля которого среди других средств взаимодействия неуклонно растёт.

Это хорошо видно даже на краткосрочной динамике отношений США с Россией и КНР в 2018–2022 гг., которые характеризуются сознательной политической эскалацией.

Достаточно привести примеры с регулярными попытками США обвинить российских и китайских хакеров во взламывании информационных ресурсов, публикации «специальных» докладов и прочих информационных действиях.

Информатизация экономики и политической жизни привела к тому, что именно эта тенденция стала отражать прежде всего общую направленность развития МО и ВПО в мире, которую можно коротко охарактеризовать как эскалацию информационной политики силового принуждения США [14]. В ходе конфликта на Украине в 2022 г. данная тенденция стала ведущей. Эта силовая информационная (дезинформационная) политика постепенно легализовалась в политике «новой публичной дипломатии», где собственно политико-дипломатические меры зачастую заменяются информационно-силовыми и даже информационно-военными [11, с. 144–145].

Информационно-силовая политика изменила и свой пространственный охват. В последние два десятилетия отмечается резкий всплеск военных конфликтов низкой и средней интенсивности, которые несут в себе потенциальную угрозу перерастания в крупные, глобальные конфликты. Примечательно, что все без исключения международные конфликты и войны последних лет имели перед своим началом фазу «информационные войны».

Особенно заметным впервые это стало перед бомбардировкой Югославии, когда США и НАТО создали специальный комитет по информационной подготовке к войне.

¹⁴ Подберёзкин А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017.

В дальнейшем эта практика стала принципом действий западной военно-политической коалиции, проходя следующие подготовительные этапы, которые отчётливо прослеживаются во всех конфликтах США:

- критики правящего режима;
- поддержки недовольных;
- официальной информационно-пропагандистской поддержки;
- информационно-политической поддержки (включая международные организации);
- военно-информационных действий.

Все эти этапы, например, хорошо видны на примере политики США по отношению к Венесуэле и её законному правительству, когда самый

последний этап начался с провокаций на границе и нарушения деятельности электрических сетей.

Это, естественно, отразилось на общем состоянии в мире, когда ВПО стала характеризоваться наличием большого числа постоянно существующих и новых конфликтов и войн.

В докладе немецкого института «Глобальный барометр. 2012», например, эти тенденции подтверждались. На рис. 2 видно, что конфликты «низкой и «средней» интенсивности существенно увеличились в последние годы [15]. Об этом говорилось ещё в 2013 г. в самых разных работах и на разных мероприятиях [1].

Военный конфликт на Украине полностью подтвердил развитие этих закономерностей.

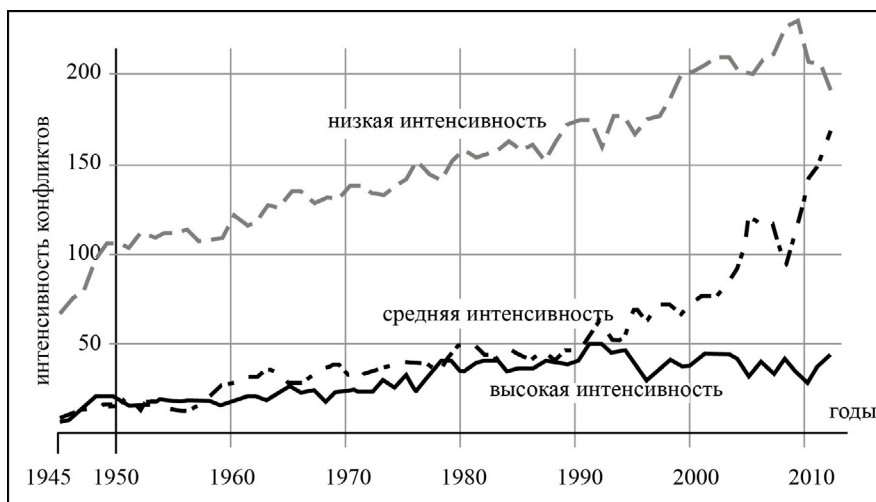

Рис. 2. Глобальные конфликты низкой, средней и высокой интенсивности с 1945 по 2012 г.

Разрастание численности, интенсивности и длительности конфликтов резко увеличилось после 1990 г., когда, как казалось, закончилась холодная война, исчезли идеологиче-

ские противоречия и мир превратился в однополярную структуру, которую полностью контролировали США.

Умиротворения и всеобщего благоденствия, как и отказа от полити-

¹⁵ Conflict Barometer. 2012. Heidelberg Institute for International Conflict. 2013. P. 2.

ки силы, не произошло. Произошло обратное: господство США усилило напряжённость и интенсивность применения военной силы. Более того, перенесло эту напряжённость из области идеологии в область *межцивилизационных отношений, о которых ещё З. Бжезинский говорил как о более конфликтных и бескомпромиссных.*

По сути дела, современная политика в мире, но особенно в Евразии, это больше цивилизационно-ценностное мировое противоборство, всё более приобретающее уже не только силовые, но и вооружённые черты. Это не простое соперничество государств, о котором в своё время говорили достаточно много [16].

Неслучайно, что число конфликтов высокой интенсивности растёт медленнее других. Военные и экономические риски становятся в XXI в. слишком высоки. Поэтому предпочтение отдаётся «гибридным» войнам, и прежде всего сетевым и сетцентрическим, когда собственно агрессор скрывается за спиной управляемых им субъектов. *Ргоху*, МО – как государств, так и негосударственных акторов. Кроме того, относительное равновесие военных сил в мире, сложившееся ещё в XX в., оказывало сдерживающее влияние на политику США. Последние войны в Ираке, Афганистане, Сирии, Йемене 2012–2018 гг. показывают, что эффективность выше, когда воюют «союзники» западной коалиции.

Именно такой подход характерен и для развития конфликта на Укра-

ине в 2014–2022 гг. Если бы, допустим, в него прямо вмешались вооружённые силы США и НАТО, то они получили бы решительный отпор внутри самой Украины, а русофобская политика превратилась бы в антиамериканскую.

Это означает, что изменение направления в развитии сценариев или их вариантов международных отношений имеет для эволюции военно-политической обстановки и планов военного строительства в России до 2025 г. очень важное, приоритетное значение, ибо отражает коренные изменения не только в фундаментальном характере МО и ВПО, но и в военной организации, военном планировании и военном строительстве. Такие изменения можно отчасти предусмотреть и даже сознательно запланировать, если внимательно анализировать эволюцию развития МО, а также пытаться прогнозировать её последствия.

Неслучайно, что ещё в феврале 2015 г. Б. Обама, презентуя конгрессу США новый вариант Стратегии национальной безопасности, подчеркнул **смещение акцентов** в военной политике страны с сухопутных крупных операций на *другие формы использования военной силы*: неудачи в военной области потребовали корректив во внешнеполитической стратегии. Это пример того, как не только изменения в МО воздействуют на ВПО, но и наоборот – изменения в ВПО и даже конкретной стратегической обстановки влияют на международную в глобальном масштабе. Трампу потребовалось время, чтобы

¹⁶ Подберёзкин А. И. Боршиполец К. П., Подберёзкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 22.

избавиться от этого «синдрома Обамы» в отношении военной силы, а Байден уже воспринял это как сложившуюся стратегию.

Вот почему необходимо тщательно следить за развитием других возможных сценариев развития МО и вытекающих из них вариантов ВПО, которые неожиданно могут превратиться в наиболее вероятный сценарий, конкретизированный для отдельной страны, так, как это произошло, например, в Белоруссии и Казахстане. То, что он пока что остаётся гипотетическим, не должно вводить в заблуждение: смена технологических парадигм, особенно в области информатики и связи, может неожиданно, вдруг, привести к появлению нового варианта или даже сценария развития ВПО.

Как показывает история, мы не можем даже категорически точно прогнозировать развитие отношений *между государствами с совпадающими стратегическими интересами и с близкими социально-политическими системами.*

Так, Китай, помогавший Северному Вьетнаму много лет в войне с США, уже через несколько лет напал на своего союзника, развернув полномасштабную войсковую операцию, а бывшие страны Социалистического содружества в течение нескольких лет перешли из категории «союзники» в категорию «противники». Необходимо помнить, что политические «намерения» меняются значительно быстрее чем «интересы», а тем более «потенциалы».

В «переходный период» предполагается, что западная военно-политическая коалиция сможет к 2023–2025 гг. модернизировать свой военный потенциал таким образом, чтобы использовать его в серии ограниченных локальных конфликтов от Юго-Восточной Азии до Европы. На это указывают многие программы, в частности, развёртывания на судах ВМС США и их союзников разных типов ВТО, что вынуждает Россию поступать аналогичным образом.

Библиография • References

- Боброва О., Подберёзкин А. Политико-правовые вопросы противодействия проявлениям, направленным на подрыв основ государственности Российской Федерации // Сайт ЦВПИ «Евразийская оборона», 30 августа 2021 г. // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/politikopravovye-voprosy>
- [Bobrova O., Podberyožkin A. Politiko-pravovye voprosy protivodejstviya proyavleniyam, napravlennym na podryv osnov gosudarstvennosti Rossijskoj Federacii // Sajt CVPI «Evrazijskaya oborona», 30 avgusta 2021 g. // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/politikopravovye-voprosy>]
- Боброва О., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель–Observer. 2021. № 8. С. 17–48.
- [Bobrova O., Podberyožkin A., Podberyožkina O. Specifika NKO i pravovye osnovy ih deyatel'nosti // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 8. S. 17–48]
- Вучич заявил, что решение Путина по Донбассу полностью меняет мировой порядок // ТАСС, 21 февраля 2022 г. // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13793075?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

- [Vuchich zayavil, chto reshenie Putina po Donbassu polnost'yu menyaet mirovoj porjadok // TASS, 21 fevralya 2022 g. // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13793075?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop]
- Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.
- [Il'nickij A. M. Mental'naya vojna Rossii // Voennaya mysl'. 2021. № 8. С. 29–33]
- Маноило А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия – Телеком, 2020. – 378 с.
- [Manojlo A. V., Strigunov K. S. Tekhnologii neklassicheskoy vojny. Genezis. Evolyuciya. Praktika. M.: Goryachaya liniya – Telekom, 2020. – 378 s.]
- Подберёзкин А. И. Боршшполец К. П., Подберёзкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 517 с.
- [Podberyožkin A. I. Borishpolec K. P., Podberyožkina O. A. Evraziya i Rossiya. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 517 s.]
- Подберёзкин А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 36–53.
- [Podberyožkin A. I. Vzaimodejstvie oficial'noj i publichnoj diplomatii v protivodejstvii ugrozam Rossii // Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika / pod red. M. M. Lebedevoy. M.: Aspekt Press, 2017. S. 36–53]
- Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021. – 1080 с.
- [Podberyožkin A. I. Ocenka i prognoz voenno-politicheskoy obstanovki. M.: YUsticinform, 2021. – 1080 s.]
- Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сб. материалов круглого стола «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». М.: ВАГШ ВС РФ, 2022. С. 22–36.
- [Podberyožkin A. I. Ocenka i prognoz razvitiya scenariya voenno-politicheskoy obstanovki i ego konkretnyh variantov v tret'em desyatiletii novogo veka // Sb. materialov kruglogo stola «Ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». M.: VAGSH VS RF, 2022. S. 22–36]
- Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018. – 1596 с.
- [Podberyožkin A. I. Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v HKHI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. – 1596 s.]
- Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университет. 2018. № 6. С. 141–158.
- [Podberyožkin A. I., Zhukov A. V. Oborona Rossii i strategicheskoe sderzhivanie sredstv i sposobov strategicheskogo napadeniya veroyatnogo protivnika // Vestnik MGIMO-Universitet. 2018. № 6. S. 141–158]
- Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель-Observer. 2018. № 11. С. 6–26.
- [Podberyožkin A. I., Podberyožkina O. A. Politika sankcij kak chast' politiki «silovogo prinuzhdeniya» // Obozrevatel'-Observer. 2018. № 11. S. 6–26]
- Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель-Observer. 2021. № 7. С. 33–48.

- [Podberyozkin A., Rodionov O. Instituty razvitiya chelovecheskogo kapitala – al'ternativa silovym sredstvam politiki // Obozrevatel'-Observer. 2021. № 7. S. 33–48]
- Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2015. – 653 с.
- [Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Obshchestvo sohraneniya literaturnogo naslediya, 2015. – 653 s.]
- Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции. М.: Научная книга, 2002. – 416 с.
- [SHtol' V. V. NATO: dinamika evolyucii. M.: Nauchnaya kniga, 2002. – 416 s.]
- Штоль В. В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. М.: Научная книга, 2003. – 176 с.
- [SHtol' V.V. Novaya paradigma NATO v epohu globalizacii. M.: Nauchnaya kniga, 2003. – 176 s.]
- Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times, 29 January 2021.
- Conflict Barometer. 2012. Heidelberg Institute for International Conflict. 2013. – 152 p.
- Strategic Consequences of Hypersonic Missile Proliferation. Report NSRD RAND. Wash. 2019. – 133 p.
- PwC, 19th Annual Global CEO Survey, January 2016 // URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/technology/tech-breakthroughs-megatrend.pdf>

Статья поступила в редакцию 10 марта 2022 г.